

Константин Костин

Зверь

*Покидая свой дом, веди себя так,
Словно видишь перед собой врага.*

Юдзан Дайдодзи, «Будосёсинсю» (Путь самурая)

Все описанные события — вымышленные. Любое совпадение персонажей с реально существующими людьми — чистая, и, даже, непредвиденная случайность.

Глава 1

Каждый день, каждую секунду каждый человек стоит перед выбором. Нет, конечно степень ответственности того или иного решения отличается, и отличается значительно — в этом нет никаких сомнений. Жениться — не жениться, поспать подольше или успеть на работу, купить Мерседес или БМВ, а то и вовсе — продать Родину, или сохранить верность присяги и своим принципам — все это выбор, от которого, возможно, зависит и вся дальнейшая жизнь.

Вот и я сейчас стоял перед выбором — купить два чебурека, или один хот-дог? Цена и у того, и у

другого была почти одинаковая — тысяча четыреста за один чебурек, и три пятьсот за хот-дог. В настоящее время определяющим было не только то, что безопаснее для организма, немаловажным было еще и уложиться в бюджет.

Нет, финансовых трудностей я, слава Богу, не испытывал. Ни раньше, когда отдавал долг отечеству, служа в армии. Ни, тем более, теперь, когда меня, комиссованного по ранению майора, пригласил возглавить службу безопасности своего банка мой бывший одноклассник. Чертяка! Он знал, кого брать! Обеспечение безопасности — это именно то, чем я занимался в свое время не только в Союзе, но и в тех странах, о существовании которых большая часть населения и не подозревает. Их и на карте трудно показать пальцем, чтобы не отхватить кусок от соседей — в этом тонком деле иголка нужна. Да и зачем показывать? Сдается мне, лет через двадцать про такие вещи можно будет говорить без опаски, тогда, может, и мемуары напишу.

А сейчас мне предстояло решить более злободневную задачу — два чебурека, или один хот-дог? Оксанка, моя маленькая любимая стервочка, вытащила утром у папки из кармана почти всю наличность, оставив лишь десяти тысячную купюру с изображением Красноярской ГЭС, чудом уцелевшую. Наверно

потому, что лежала не в бумажнике, а в кармане. Кстати, а ведь многие живут, и не подозревают, что ГЭС на банкноте изображена с косяком! Впрочем, продавцу в ларьке это по барабану. Как и пластиковая карта, на которой деньги-то были. Снять негде.

Раскидав в голове десятку на хот-дог, баночку колы и пачку сигарет LM, я пришел к выводу, что укладываюсь. Еще и на жвачку остается. Какая добрая у меня доченька! Расплатившись, и получив обжигаяще горячую булочку с сосиской и обжигаяще холодную банку колы, я вернулся в свой «Гелик».

— Евген, — Алексей, сидевший за рулем, указал подбородком на мобилу, забытую мною на торпедо. — Антон Палыч звонил.

— Фа фто ты фофафишь? — ответил я, перемалывая зубами пищу. — И фо он фофел?

— Просил срочно подъехать, — ответил Калачев.

— Фефамифе хеллеф! — выругался я.

Сосиска внутри булочки оказалась прямо-таки раскаленной, и я рисковал сжечь себе внутри все, что можно. Спасти меня мог только глоток ледяной колы, но, чтобы открыть банку нужны обе руки, а во второй как раз и был злополучный хот-дог. Положить его куда-либо я не мог — по булочке уже текла кроваво-красная слеза кетчупа.

Калач, на счастье, понял меня без слов. Ну, на то мы и знакомы уже черт его знает сколько. Отогнув своими мясистыми пальцами чеку, он вскрыл банку, зашипевшею выходящими газами. Сделав несколько глотков, я унял пожар в глотке.

— Чего ждем-то? — поинтересовался я у Лешки. — Поехали.

«Мурзик», свистнув резиной, резво сорвался с места. Боец лихо вывернул руль, и джип, опасно наклонившись, описав дугу прямо перед мордой «Бумера-семерки», взял курс в центр города — туда, где в здании, сохранившимся еще с Екатерининских времен, располагался банк Сохновского.

— Scheisse! — снова выругался я.

Нет, G500 — аппарат весьма неплохой. Недаром столько лет в войсках Германии службу несет. Кто-то скажет — «ха! Да Gelaengewaggen стоит на конвейере всего десять лет с хвостиком, старый добрый УАЗ-469 — и то дольше!». Хренушки! В том виде, в котором он сейчас есть — да, но не стоит забывать про трехосный Mercedes-Benz G4, на котором еще фюрер на парадах разъезжал. Я такой видел в... хотя, лучше лет через двадцать расскажу.

А вот водитель подкачал. Алексей слишком круто заложил вираж, забыв про действие центробежных сил, в результате которых на обивке

двери появилась огромная клякса томатного соуса. Но, стоит отдать боксеру должное — движение по центру города всегда отличалось большой плотностью, и сегодняшний день не был исключением, шофер же, однако, умудрялся держать скорость в пределах ста-ста двадцати километров в час, разрезая поток по двойной сплошной.

Долго такое счастье продолжаться не могло, и вскоре в перекрестье прицела попала корма ментовской «девятки». Вконец обнаглев, легавые ехали точно по разделительной полосе, выпуская хвост двойной линии в аккурат под креплением заднего стеклоочистителя. Как назло, и на нашей, и на встречной частях дороги поток шел слишком плотный — не вклиниться. Смачно выругавшись, Калач врубил стробоскопы и утопил клавишу клаксона, закрывавшего спецсигналом.

— Ой, кто-то у меня сейчас догудится, — раздался со стороны «девятки» голос, многократно усиленный мегафоном.

— Ой, кто-то у меня сейчас допиздится, — передразнил я в свой громкоговоритель.

Сверкнул мигалкой, взвизгнув сиреной, ментовоз моментально ушел вправо, едва не подвинув собой старенького «Москвиченка». Кто бы там, под крышей с люстрой, ни был, он справедливо рассудил, что лучше один раз уступить

дорогу, чем всю оставшуюся жизнь чебуреками на рынке торговать.

Больше препятствий на пути к банку, Gott sei Dank, не было. Леха постановил Мурзика перед табличкой на стене здания, гласящей, что это — памятник архитектуры XVIII века, охраняемый государством. Ну-ну... если бы не я и служба безопасности — его бы уже раз десять взорвали к чертям собачьим вместе с Сохновским, и, возможно, со мной до кучи. Впрочем, сказать, что банкир только и делал, что подвергал опасности раритетное строение — тоже было бы большой ошибкой. Не рассыпалось здание лишь благодаря щедрым инвестициям Антона на реставрацию памятника архитектуры. Иначе нельзя. Банк должен внушать уважение и доверие клиентам, если не своим почтенным возрастом, то, хотя бы, показным «глянцем». Каждый элемент, и не только недвижимости, должен говорить: «видите, у нас все gut! Хотите, чтобы и у вас жизнь удалась? Несите деньги нам!». Вообще, общаясь со своим нынешним командиром, я, признаться, узнал об этом бизнесе много такого, что, казалось бы, лежит на поверхности, но додуматься самому... Что называется, все гениальное просто!

Мы с Калачом поднялись по широкой мраморной лестнице. Два охранника в фойе, завидев меня, поспешно изобразили на лицах такое

усердие, такое рвение, о каком в армии можно было лишь мечтать. Приятно осознавать, что старые, проверенные советские методы, подкрепленные здоровой толикой капитализма, не только продолжают работать, но и дают совершенно потрясающие результаты!

— Евгений Александрович, — приветливо улыбнулась Наталья — секретарша Сохновского. — Антон Павлович вас уже ждет.

Едва переступив порог кабинета банкира, я сразу понял — что-то случилось. Что-то очень серьезное. В воздухе стоял тяжелый запах валерианы, а на самом коммерсанте лица не было. Таким я его еще ни разу не видел. А, если я говорю, что это так — значит оно так. Антона я знал лет тридцать, и знал его как облупленного. В каких только передрягах нам не пришлось побывать... но такого... такого на моей памяти не было. Впрочем, увидев, что я не один, одноклассник встрепенулся, и даже попытался изобразить на лице слабое подобие улыбки.

— Добрый день, Евгений Александрович, — кивнул он.

— Добрый, Антон Павлович, — ответил я, давая Калачеву знак покинуть помещение.

— Здравствуйте, — поздоровался тот, удивленно таращась на меня, и явно не понимая, что от него требуется.

— Выйди! — грозно прошипел я.

Лешка вернулся в приемную, и я вздохнул с облегчением — мы смогли начать нормальный разговор как нормальные люди. Банкир тоже облегченно вздохнул и буквально растекся по креслу. Непонятно, каким усилием воли держался Сохновский, но теперь остатки крови отхлынули от его лица, и однокашник побледнел еще сильнее, хотя это уже казалось невозможным. Таким я его, уж подавно, никогда не видел.

— Антоха, что стряслось? — взволнованно поинтересовался я.

— Стряслось, — вяло кивнул он, массируя правой рукой левую сторону груди.

Свободной рукой он открыл ящик стола, достал мини-кассету, какие бывают в телефонных автоответчиках или диктофонах, вставил ее в проигрыватель и нажал кнопку. Сквозь шипение и шуршание до меня донесся из динамиков голос банкира:

— Алло?

— Это Са-ахновский Антон Павлавич? — осведомился голос с сильным кавказским акцентом.

— Да, я. Что надо?

— С тобой хатят гаварить.

Дальше послышался шум борьбы, звонкий щелчок пощечины и девичьи всхлипы.

— Папа, папа, это я, Даша, — раздался

заплаканный голос, в котором, однако, слышался сильный английский акцент. — Спаси меня, пожалуйста.

Снова шум борьбы, серия шлепков и женский плач.

— Ты все слышал?

— Чего вы хотите?

От звука этого голоса у меня у самого мурашки поползли по спине. Я не раз слышал голос солдат, получивших смертельные ранения, и понимавших, что протянут уже недолго... в голосе Антона звучали те же замогильные интонации.

— Хачу двадцать миллионов долларов. Нэ будэт дэнэг — палучишь сваю сучку па чистям, да?.. Гаварю, да?

— Да, да. Где, когда?

— Ай, таропишься — людэй насмешишь! Завтра гаварить буду.

Пленка закончилась. Мы сидели в гробовой тишине, нарушаемой только шелестом динамиков. Сохновский, дрожащими руками, взял графин с водой, выбивая горлышком об край стакана барабанную дробь, расплескав больше половины по столешнице, налил грамм пятьдесят, затем достал пузырек с валерианой и начал отсчитывать капли. Я достал сигарету, и, машинально, одним щелчком открыл Zippo, одновременно зажигая ее.

Любопытно получается. Даша, насколько я знал — дочка от первого брака одноклассника. Он и

женился тогда в шестнадцать лет — пришлось. Если бы не его отец — полковник милиции, та история имела все шансы закончиться более плачевно — времена другие были. Что, как случилось с первой женой банкира — не знаю, я тогда в Ан...э-э... в Африке был, но, если верить слухам, погибла в какой-то перестрелке несколько лет назад. Сам же Антон вскоре женился на Танюхе, бывшей на добрый десяток лет младше его, а Дашу отправил в Лондон. Признаться, до этого момента я думал, что он отправил дочку куда подальше, чтобы не мозолила глаза новой жене, но, будь оно так, коммерсант сейчас отреагировал бы более сдержанно. Значит, отправил Сохновский ребенка, чтобы лишний раз не напоминать себе о той боли, той утрате, что постигла его в девяносто втором. Интересно... еще интересно, с каких это пор в Великобритании творится такой беспредел?

— Звонили из Чечни, — словно прочитав мои мысли, ответил Антон.

— А там-то как она оказалась? — удивился я.

— Она же на журналистике училась, — пояснил банкир. — Поехала с каналом ВВС на практику... передачу про войну, мать ее так, делать!

— Сделала, — горько усмехнулся я. — Антоха, ты же понимаешь — платить нельзя. В живых ее точно не оставят.

— Понимаю, — кивнул он. — Потому и вызвал тебя.

— Меня? — я даже поперхнулся дымом. — А я что сделаю? Ты, вообще, себе размах этой кампании представляешь? Нужны люди, техника, оружие... наконец, надо еще успеть добраться до туда! А звонить они будут уже завтра! Завтра, понимаешь? Уложиться в сутки здесь нереально! Надо подключать чекистов, федеральные войска... они, может, и успеют...

— Время я потяну, — заверил Сохновский. — Пара недель у тебя будет, а, может, и больше — как повезет. Люди... да вон их сколько, целая служба безопасности банка! Техника... дам я тебе парочку машин. Несколько для другого они готовились, но и для этого сойдут. А что касается оружия... да я в жизни не поверю, что с твоими связями и моими деньгами достать оружие — такая проблема.

— Ну, знаешь ли... — развел я руками. — Служба безопасности — это, по сути, охранники. В условиях горного боя они проживут минут пять — максимум. Техника... еще посмотреть надо, что там за техника у тебя. Единственное, с чем я не буду спорить — оружие. Уж чего-чего, а этого добра достать можно столько...

— Евген, — Антон схватил меня за рукав. — Все, что хочешь, любые деньги... умоляю тебя, ну я не знаю... хочешь — на колени встану!

— Так, отставить, — гаркнул я. — Ладушки, я согласен. Те же двадцать миллионов, плюс накладные расходы. Если я, или кто-то из мужиков не вернется — их долю получают их семьи. Согласен?

— Да, — с готовностью кивнул коммерсант.

Лицо банкира порозовело, даже глаза заблестели от радости. Неужели, он так сильно в меня верил? Нет, основания были. Если бы не я — Сохновского уже раз двадцать порешили бы. Но это уже перебор...

Согласился я вовсе не из-за денег. Хотя, вернее будет сказать — не только из-за денег. Согласился в память той дружбе, что была между нами в школьные годы. Как, все же, забавно кидает нас жизнь! Антоха списывал у меня и контрольные и домашние работы по математике, сам же с малых лет занимался борьбой, а отец Сохновского, царствие ему небесное, учил сына и стрелять, и бегать и прыгать. Дисциплина у них в доме, как сейчас помню, всегда была даже не железная — стальная. Но в итоге-то я стал военным, а Антон — банкиром! Удивительно!

Хотя... даже в подготовке операции я видел две огромных сложности. Первая — моя жена. Как мне объяснить ей, что я иду воевать, и, возможно, умереть, за чужого ребенка? Нет, когда я сжулил в армии, воевал под чужими знаменами, стрелял в

чужих врагов — не было у меня выбора, идти или не идти, стрелять или не стрелять. Родина приказала — и точка. Ни тени сомнения, ни грамма упрёка. Но как объяснить ей теперь, объяснить то чувство долга, которое я сам понимал лишь интуитивно? Деньги здесь не помогут.

И вторая трудность — команда. Примерный список участников компании я уже набросал в голове, ребята проверенные. Но если двух-трех, включая Калача, я еще представлял, где искать, то остальных жизнь разбросала по всему Земному шару. И, даже если мне удастся найти их — не факт, что ребята до сих пор живы. А, если живы — не факт, что согласятся. Да, последнее больше зависело от меня, от тех отношений, что сложились с бойцами в разное время в разных уголках бела света. И, конечно, от предложенной суммы. Но самым сложным было именно найти их.

— Кстати, — обернулся я, вспомнив кое-что, дойдя до двери. — Ты всех записываешь?

— Что? — не понял сперва Антон. — Ах, это... нет, только тех, с кем общаюсь.

— Пленки с моим голосом — тоже, — ультимативно заявил я.

— Как скажешь! — кивнул Сохновский.

В приемной, ведя неторопливую беседу с секретаршей, бросающей на парня красноречивые взгляды, меня терпеливо дожидался Леха. На звук

открываемой двери он лишь обернулся, слегка кивнул головой, и вернулся к своему занятию. Совсем разболтался!

— Сержант Калачев! — крикнул я.

— Я!

Рефлексы, вбиваемые годами, сработали моментально. Алексей вытянулся по стойке смирно, и даже правая рука уже летела к виску, но бывший военный вовремя вспомнил, что у пустой головы честь не отдают.

— Эх, — вздохнул я. — Ну что, Лешка, похоже, мы едем в командировку.

— В командировку — так в командировку, — равнодушно пожал плечами боксер.

Ну, первый член армии спасения уже есть. Впрочем, куда ему деваться? Наше знакомство с Алексеем состоялось еще в Германии, когда я был лейтенантом — молодым и зеленым. На голову выше меня, примерно на столько же шире в плечах, Калачев, тем не менее, выглядел совершенно не угрожающе. Хотя дураком был еще тем. Вообще, парень больше был похож на медвежонка. Не на медведя, а именно медвежонка — такого косолапого, пухлого, добродушного. Маршировать он так и не научился, да и учить его, с такой-то походкой, занятием было совершенно бесполезным. Потому, как только начинались смотры, ефрейтор Калачев неизменно оказывался в дежурстве. Еще

бы! Не дай-то Бог поставить его в строй перед трибунами, на которых находились проверяющие из Москвы. Там не то что отделение или взвод — вся рота незачет по строевой подготовке получила бы. А оно нам надо?

Но караульную службу Алексей нес исправно. Стоит заметить, что у ГСВГ главной проблемой было именно местное население. А то как же — оккупанты... на двадцать третье февраля, двадцатое апреля и девятое мая у внешней колючки собиралась толпа добропорядочных в обычное время бургеров, выкрикивавших антисоветские лозунги и обстреливавших солдат камнями. Если на первое служивым было, в общем-то, наплевать, поскольку из всего немецкого языка русский солдат, как и сорок лет назад, знал лишь «Гитлер капут» и «хэндэ хох», а значительная часть криков вообще не входила в академический курс немецкого языка, то второе... хотя, нет — вру. Самым употребляемым немецким словом было «фауст» — литровая бутылка шнапса, и «мини-фауст» — полулитровая. Так вот, реагировать спокойно на второе было весьма и весьма затруднительно.

Несмотря на то, что по уставу караульной службы, как только посторонний человек подходил ближе, чем на пятьдесят метров к внешнему ограждению, полагалось окликнуть его: «Halt!»,

затем — «Zurück!», выстрел в воздух, а после не возбранялось и в голову, инструкцию все имели строжайшую — не стрелять, даже если гражданское население перелезет через ограду. Огонь разрешалось вести лишь тогда, когда совершалось явное нападение на часового. И то — сперва в воздух, а потом, если успеешь — куда повезет.

Калачеву же на все это было глубоко насрать. Это после мы узнали, что он кандидат в мастера спорта по боксу, а до этого думали, что просто дурак — родился таким, что поделать? Алексей, заступая на пост, сразу загонял патрон в патронник «Калаша», прятался за бревно, валявшееся там еще с невесть каких времен, упирал на него ствол... возьмите, кто смелый! При обходе постов диалог происходил примерно такой:

— Стой, кто идет! — это кричал Лешка.

— Калач, не стреляй, это я, Евгений, командир твой! — это уже кричал я.

— Ты — иди, остальные на месте.

Хотя, последнее было излишне. Эти «остальные», не понаслышке зная ефрейтора, после оклика «стой» уже лежали мордой в грязь или снег.

Драться меня, кстати говоря, учил именно Калач. Я сам его попросил, когда узнал, что солдат — КМС по боксу. Нет, тупо махать кулаками я и до этого умел, да и по силе удар был поставлен неплохо. Он учил меня именно технике боя. Сперва

он надевал на руку лапу, я — перчатки, и начинал лупасить по ней, а Лешка корректировал удары, подсказывал, что правильно, что неправильно и так далее. Правой, левой, прямой, боковой, хук... После задача усложнилась. Боксер одевал левую перчатку и только защищался, а я, с обеими руками, пытался ударить его. Надо отдать парню должное — по корпусу я попадал ни раз, а в голову — ни разу. Занятия окончились, когда мне неожиданно прилетело. Прилетело очень даже неплохо — я все столы в каптерке собрал.

— Ты чего, — еле проямлил тогда я. — Ошалел?

— А, Евген, извини, забылся, — начал оправдываться Калачев.

В голове после этого у меня звенело часа два, а жевать нормально смог лишь через неделю. Дурак, что поделать? Но после этого я решил, что здоровье дороже, и в спарринг с ефрейтором больше не вставал, предпочтя боксу рукопашный бой Кадочникова. Самому же Алексею, после победы на чемпионате по боксу среди войск ГСВГ, предлагали остаться в армии сверхсрочно, но уже для продолжения спортивной карьеры. Помню, тогда он обратился ко мне за советом.

— А что такого, — ответил я. — Конечно оставайся! Через два-три года вернешься, у твоей жены уж и парочка детишек будет — все как-то легче.

Не послушал тогда он моего совета. Как оказалось позже — зря. Уйдя в запас сержантом, на гражданке Калач применения себе не нашел — работал сначала грузчиком, потом — водителем. Жена его, один черт, бросила. А как громыхнуло — пошел торгашей трясти. Собственно, там я его во второй раз и встретил и забрал к себе, в службу безопасности банка Сохновского. Дурак-то он, конечно, дураком. Но дело свое знает, и к тому же, Лешка — один из немногих людей, на которых я мог всецело положиться.

Покинув памятник архитектуры, мы снова сели в мой «Гелик». На Калача нашло редкое прозрение, и, пока мы не оказались в автомобиле, боксер не задавал никаких вопросов. Но теперь его прорвало.

— Что случилось? Куда едем? Зачем?

— Не торопись, — осадил его я, нервно покусывая фильтр сигареты. — Все расскажу, но попозже. Ты с Татаринцом отношения поддерживаешь?

— Созваниваемся иногда, — пожал плечами Алексей. — Он сейчас какую-то шишку в Казани охраняет. А что?

— Пока, может и ничего, — я, покопавшись в карманах, нашел вырванный из блокнота листок с адресом, и протянул его водителю. — Газуй сюда.

Начать я собирался с осмотра техники, которая, по заверению Сохновского, у него была, а надежное средство передвижения нам в любом случае понадобится. Достать оружие, наконец, найти людей — все это можно сделать гораздо быстрее, чем подыскать БТР или БМПшку, дабы добраться до места назначения, а чутье подсказывало мне, что заняться этим придется. Что там может быть у Антона? Бронированный «Мурзик» или «Патрол»? В лучшем случае — «Урал», обшитый дюралевыми пластинами, как мы делали в... в одной восточной стране. Последнее больше подходит для нашей миссии, но все равно — не идеал.

Указанный банкиром адрес находился, что называется, *wo sich die Füchse gute Nacht sagen* — на краю географии. В Петровские времена, наверно, это место уже считалось провинцией — глубинкой молодой Российской Империи. Почти три века спустя на месте полей, а, может, разрушенной дворянской усадьбы, здесь возвышался забор из бетонных плит с егозой поверху. От угла, где на бетоне коричневой краской чьим-то корявым подчерком было выведено «54-П», до ворот мы ехали еще минут десять.

Створки ворот, окрашенные выцветшей темно-зеленой краской, со ржавыми следами бывших когда-то на них пятиконечный звезд, при

приближении «Мурзика» раздвинулись на удивление легко и бесшумно. G500, ведомый Калачом, заехал во двор, и ворота так же неслышно закрылись. Вообще, само то, что они закрылись, я понял лишь по движению тени по гравию. На территории базы, в жутком беспорядке, валялись тонны металлолома, когда-то бывшими транспортными средствами и боевыми машинами. В одном остове я узнал ленд-лизровский «Додж-5», чуть дальше лежал на брюхе корпус БМД без башни, у забора — американский «Шерман», а рядом... я мог и ошибаться, но, угловатая штука с длинным носом сильно напоминала башню от немецкого «Тигра» времен Второй Мировой. Любопытно, что это за место, и почему я раньше про него ни сном, ни духом?

— Глянь, — пихнул меня локтем в бок сержант. — Это же Ил-2!

И то верно — у самой стены ангара лежал полураздетый скелет фюзеляжа самолета. Какого — затрудняюсь ответить, я небольшой спец в истории военного авиастроения, так что оставалось поверить Алексею. У этого парня на леске, натянутой под потолком из угла в угол, висит с десятков пластмассовых моделей самолетов.

Крутя головами по сторонам, осматривая экспонаты, оставшиеся, наверно, от всех войн за последние полвека, мы не сразу заметили человека

в сером комбинезоне с масляными пятнами, подпоясанного ремнем с пряжкой, в центре которой был изображен орел, запустивший когти в свастику, и надписью «Gott mit uns» по кругу. Калачев еле успел остановить «Гелика». Еще пара секунд — и мужика пришлось бы соскребать с решетки радиатора.

— Че рот раззявил? — крикнул боксер, спрыгивая с подножки. — Еще чуть-чуть, и пришлось бы машину от...

И тут он осекся. В бледно-голубых глазах механика на краткую долю секунды мелькнуло что-то такое, что, стыдно признаться, и мне стало жутковато. Но в следующее мгновение мужик улыбнулся так широко и так добродушно, что я решил — показалось.

— Женя и Алеша, от Сохновского, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес он.

— Ага, — кивнул я. — А ты?

— А я — Иван, — небрежно махнул рукой мастер. — Пойдемте.

И, не дожидаясь нас, развернулся и зашагал в раскрытую пасть ангара. Что-то мне подсказывало, что он такой же Иван, как и Калач — Герхард.

В самом здании стояли такие же раритеты, но в несравненно лучшем состоянии. Был здесь и пахнувший свежей краской Т-34, и полугусеничный «Остин-Путиловский», с которого еще Ленин речи

толкал. В центре зала лежало серебристое веретено с четырьмя красными кольцами на капоте. Рядом же стояли четыре колеса, больше похожих на велосипедные, или, в крайнем случае — мотоциклетные.

— Audi? — поинтересовался Калач.

— Auto Union, — поправил его Иван.

— Слышь, а зачем все это? — не унимался Леха.

— Ну ты спросил! — усмехнулся мастер. — Знаешь, сколько янки за «тридцать четверку» отвалют? На таких, — он ткнул большим пальцем за плечо, где остался «Мурзик». — Штук на двадцать хватит.

— А откуда? — поинтересовался сержант.

— Места знать надо, — отмахнулся хозяин гаража.

— Но нам-то «тридцать четверка» без надобности, — напомнил я.

— Для вас — вот это, — проводник опустил рубильник, и в конце зала, поморгав, зажглись люминесцентные лампы.

Как уже говорилось, я ожидал увидеть какой-нибудь внедорожник, обшитый кевларом, с пуленепробиваемыми стеклами. В лучшем случае — армейский грузовик. Среди всей этой техники — пускай даже БМПшку, но то, что хранилось здесь, превосходило все, даже самые смелые опасения! В

дальнем конце ангара стояли две совершенно потрясающие темно-серые бронированные машины, в которых безошибочно узнавались черты БТР-80. Впрочем, черты — да, скажу больше — при изготовлении этих бронеходов, скорее всего, в качестве доноров и использовались БТР-80, претерпевшие, однако, значительные изменения.

В первую очередь в глаза бросались дополнительные бронированные щиты, на две трети закрывающие задние катки. По периметру машин выступали пусковые шахты зарядов комплекса активной защиты «Арена», а над башнями возвышались цилиндры радаров системы защиты. Сама башня вообще изменилась до неузнаваемости — с боков темнели по два тубуса противотанкового комплекса «Корнет», у одной машины вместо ПКТ торчал ствол второго КПВТ, у второй — шестиствольный пулемет незнакомой мне системы.

— Verdamnte Scheisse, — тока и смог выдать из себя я.

Калач сказал нечто подобное, но на родном языке.

— Нравится? — усмехнулся мужичонка, довольный произведенным эффектом. — Перед вами — Транспорт Бронированный Специальный... ТБС-93, построенные по правительственному заказу весной 1993 года на базе БТР-80. По идее,

предназначались для эвакуации... — здесь он указал подбородком на фермы перекрытия ангара.

— Сколько же Антон за них отвалил? — присвистнул я.

— Да какая разница? — отмахнулся механик. — Он сказал отдать их вам, я отдаю.

— Спасибо, — растерянно пробормотал я. — И многое здесь доработали?

— Немало, — кивнул Иван. — Многослойная броня толщиной шестьдесят миллиметров спереди и сорок — по бокам, сверху и сзади. Двигатель — дизельный V-12 «Катерпиллар» с ТНВД, мощностью... готовы? Тысяча двести восемьдесят лошадиных сил! Системы РХБЗ убрали, но, зато, поставили дополнительные топливные баки, емкости с питьевой водой, системы защиты «Арена» и противотанковые комплексы «Корнет». На одной машине вместо ПКТ — второй КПВТ, на второй... у-у-у! Авиационная шестиствольная пушка Грязева-Шипунова ГШ-6-23, калибра 23 миллиметра! Конечно, машины получились тяжеловатыми, и плавают исключительно как топоры, но не для регаты они строились. Развивают скорость до ста пятидесяти по шоссе, и до восьмидесяти по грунтовке...

— Неслабо, — покачал головой Калач.

— ... при запасе хода в тысячу двести километров, — продолжал гид, не обращая

внимания на Алексея. — Дымовые гранаты, СРДВШ, лебедка и все остальное, что нужно — осталась. Да вы внутрь посмотрите! Там теперь даже кофеварка есть!

Я заглянул внутрь и обомлел. Кроме кофеварки, здесь еще оказался холодильник, микроволновая печь, телевизор с видеопроектором, спутниковый телефон, и многое другое, о предназначении чего я пока еще только догадывался. Конечно, неизвестным конструкторам пришлось пожертвовать полезным пространством, так что вместо семи десантных мест осталось три кожаных кресла, и в башне — только одно. Ага, плюс водитель. Итого, получается, по пять мест в каждой машине, умножить на два — десять. Минус одно место под заложницу. Нет, конечно я понимал, что минус одно — это весьма и весьма оптимистично. Даже слишком самонадеянно. Но о том, что кто-то из ребят, скорее всего, не вернется, я пока старался не думать.

Девять... Это меня несколько огорчило — я планировал взять в кампанию человек двенадцать-пятнадцать. Но, с другой стороны, тогда я еще не знал, что за чудо-машины скрывает банкир.

На обратном пути я, перевернув половину бардачка, нашел свою старую записную книжку. Небольшая, потертая книжица, распухшая от

вклеенных листков, бережно хранила в себе большую часть моей жизни. Здесь содержались координаты людей, которые переехали черт знает когда и черт знает куда, были и те, память о которых сохранилась лишь на бумаге, а сами они давно умерли.

Перелистав страницы, я нашел нужное имя: «п/п-к Мороз». Бывший особист из Катманду, старый чекист, вне всяких сомнений мог оказать неслабую поддержку во всем нашем мероприятии. Хотя бы потому, что бывших там не бывает. Несколько его старых номеров было густо заштриховано, но последний, накарябанный мелкими значками на полях, с Московским кодом перед ним, скорее всего, до сих пор принадлежал старому лису. Опять же, скорее всего — еще не означает точно, но надежда, как известно, умирает последней. Мысленно перекрестившись, я снял с пояса мобилу и набрал на клавиатуре нужные цифры. Ответили почти сразу:

— Дежурный капитан Старшинов у аппарата! — раздался четкий, бодрый голос с той стороны.

Я чуть не совершил ошибку, ляпнув про «подполковника Мороз». Скорее всего, офицер уже дослужился до полковника. А, может и нет?

— Мороза Павла Константиновича могу

услышать? — нашел я выход из щекотливой ситуации.

— Как вас представить?

Ура! В яблочко! Слава Богу, чекист не сменил кабинет ни на другой, ни на качалку у окна.

— Майор Железняк беспокоит, — представился я.

— Ожидайте... — произнес капитан, и несколько секунд спустя продолжил: — Соединяю.

— Здравья желаю, все еще майор Железняк! — услышал я знакомый голос.

— Здравья желаю, товарищ полковник! — постарался угадать я.

— Чего? Какой, нахрен, полковник? — взревел Павел.

— Неужели, до сих пор подполковник? — хохотнул я.

— Ты, Евгений, вконец белены объелся! Бери выше! Генерал-майор!

Verdamnte Scheisse! С генерала Мороза я мог требовать гораздо больше, нежели с полковника Мороза. Старый знакомый попал по-крупному...

— Ого! — присвистнул я. — Поздравляю! Давно?

— Второй день! — гордо ответил офицер.

— Ощутимо, — согласился я. — И на груди его широкой...

— Не в один, а семь рядов, — продолжил за меня особист.

— Одна медаль висела кучей, и та — за выслугу годов! — закончили мы в один голос.

— Эх, Женька, Женька, — вздохнул Мороз. — Как мы с тобой в... хотя, ладно. Не говори, что ты специально позвонил, чтобы поздравить меня...

— Я службам собственной безопасности никогда не врал, и врать не собираюсь, — соврал я. — Паша, мне надо несколько ребят найти... причем, желательно, чтобы через неделю они были здесь.

— Я бы еще знал, где оно, твое «здесь» находится... диктуй.

И я, серьезно подстраховавшись, дал генералу список из двадцати имен. Даже если он сможет найти хотя бы половину, я в накладе не останусь. А если всех — что же, будет из чего выбирать!

— Нихрена себе, несколько! — возмутился Мороз. — Это все?

— Нет! Мне нужно оружие, надежный человек в Чечне... так, и переправить туда около пятидесяти тонн груза. Самолетом, конечно, — закончил я список.

— Да ты точно белены объелся! — рассмеялся Павел. — Ладно завтра к вечеру перезвоню. Кстати, с тебя коньяк!

— Ладушки, — согласился я. — А за твои труды?

— Я же сказал — конь-як, — повторил чекист. — Отбой.

— Отбой, — растерянно кивнул я.

Вот тебе и два! Получается, что больше половины проблем решились одним телефонным звонком! И, если бы не покупка двух бронеходов, подготовка ко всей спасательной операции стоила всего бутылку коньяка! Наверно, такое возможно только в России!

— Приехали, — Калач остановил «Гелика» перед моим подъездом.

Оставалась еще одна ощутимая проблема — Олеся с Оксаной. Как сказать жене и дочери, что я скоро поеду в Тмутаракань, где, еще и, постреливают, я до сих пор не придумал. А потому решил не говорить пока ничего. Представится удобный случай — скажу, а нет — скажу перед самым стартом.

— Ты это... — повернулся я к Алексею. — Лесе с Ксюхой пока ничего не говори. А то...

— Да понял я тебя, — отмахнулся сержант. — Не маленький.

— Вот и ладушки, — улыбнулся я. — Завтра в восемь жду.

— Так точно! — ответил боксер.

Я вышел из машины и достал из пачки

последнюю сигарету. Рабочий день закончился, как обычно, вовремя. Щелчком открыв зажигалку, я прикурил, и отправился к ларьку за новой пачкой. Естественно, после встречи с банкоматом — не «LM».

Глава 2

На следующий день Лешка приехал на удивление вовремя. Вообще, зная пунктуальность боксера, у которого слово «выезжаю» означало «сейчас согрею борщ, поем, попою чайку, дочитаю газету и приеду», я ждал его не раньше девяти. Этим он, скорее всего, заразился от бывшей жены. Да, на первый взгляд удивительно, как такой человек может работать в службе безопасности банка, но, вспомнив, что Калачев — кто-то вроде моего «прикрепленного», выражаясь совдеповским языком, то все сразу становится на свои места. Со мной не забалуешь!

В общем, когда Алексей позвонил и доложил, что уже ждет у подъезда, я только разместился перед телевизором с чашкой кофе. Если «Диалоги о рыбалке» я еще, скрепя сердце, мог досмотреть не до конца, то покинуть уютное кресло, не допив кофе и не затушив в пустой кружке утреннюю сигарету, я не мог никак. Лишь покончив с этими делами, я снял со стула

наплечную кобуру с «Макаром», напялил ее на себя, надел сверху пиджак, и вышел во двор.

— Чего теперь? — первым делом поинтересовался сержант.

— А вот теперь звони Татарину, — ответил я.

— Не рановато? — усомнился боец.

— У них уж половина десятого, — ответил я. — Или, даже половина одиннадцатого...

Второй, а, считая со мной, третий участник экспедиции — Татарин, или же, если по паспорту — Булат Закиров, как и Калачев, служил под моим началом еще в ГДР. Кстати говоря, татарин по национальности он никогда не был, лишь родился в Казани. Насколько я знал, татарской крови в нем вообще не было ни капли: мать — армянка, а отец — казах. Но сам Булат, тем не менее, был глубоко убежден, что не кровь родителей определяет принадлежность ребенка к той или иной народности, а место рождения.

Примерно через год службы Закирова в нашу часть пришло очередное пополнение срочников, и был среди них рядовой Виль Накиев. Вот уж кто и был чистокровным татарин, так именно он — высокий, сухожилый, смуглый. На вопрос, который прочие солдаты задавали обоим с несомненным подвохом, чем татарин отличается от башкира, оба отвечали одинаково: «татарин на коне едет, а башкирин рядом бежит». Впрочем, на этом

сходство Накиева с невысоким, круглолицым Закировым заканчивалось, как и их взгляды на национальную принадлежность.

— Татарин? Кто, ты? — кричал Булат, почти стуча себя пятками по груди. — С хера ли баня-то упала? Ты где родился? В Самаре? А я — в Казани! Значит это я чистокровный татарин, а ты — так, невесть что!

Но в мой красный список он попал, конечно не за это. Не знаю, где он научился, но стрелял молодой солдат отменно, причем из всего. Одним из упражнений тогда была стрельба сходу. Оно и понятно — теоретически мы учили солдат убивать и оставаться при этом в живых. Слова Ганнибала «успех измеряется кровью — вашей, или ваших врагов», пожалуй, будут иметь вес во все времена. Вне всяких сомнений, попасть в движущуюся фигуру намного сложнее, чем в бойца, который, стоя на месте, прицеливается и спускает крючок. Это с одной стороны. С другой стороны, на ходу и самому солдату попасть в цель гораздо сложнее. При стрельбе лежа-то руки дрожат, а что говорить о стрельбе, когда ствол «калаша» качается в такт походке? Плюс-минус сантиметр на дистанции в триста метров превращается в десятки метров разброса!

Бывалые офицеры учили солдат такой хитрости — перед выстрелом замереть, и, перенеся

вес на одну ногу и имитируя шаг второй, выпустить маслину. Чистой воды показуха. Мало того, что скорость движения заметно падает, так еще и солдат на те доли секунды, что он имитирует шаг, становится отличной целью. Закиров же, идя быстрым шагом, клал пули от живота точнехонько в грудную мишень!

Стрельбой из АКМ, ПМ и СВД его таланты не ограничивались. Стоит еще раз отметить специфику Советской армии, в которой далеко не после каждого упражнения следовало сдавать гильзы. Кстати, пошло-то это с рубежа сороковых и пятидесятых годов, когда, даже покидая казармы, бойцы, в целях секретности, зачехляли новейший тогда АК-47. Да и гильзы собирали подчистую, чтобы янкели не узнали калибр секретного оружия. В общем, здесь изощренный мозг русского солдата начинал работать примерно так: если гильзы сдавать не обязательно, то и выпускать все патроны необязательно, значит их можно схватить! Не для продажи, естественно — Боже упаси! Сохранялись патроны с вершинкой пули, окрашенной зеленоватой краской — трассеры. В самом деле, зачем их тратить днем, когда на ночных стрельбах можно зарядить полный магазин трассеров, и дать длинную очередь? Красиво же!

Ховались такие патроны в тревожных мешках, подвязанных у каждого солдата под койкой. И то

верно — лучшей нычки придумать сложно — тревожные мешки, в которых хранилась смена одежды, аптечка и сухпаек на три дня, были святыней и у «дедов». Время такое было — громыхнуть могло в любой момент, и забрать у салаги, скажем сухпаек... а если завтра война? Короче говоря, такой поступок не приветствовался, и потому, кроме предметов, положенных уставом, в тревожных мешках прятали и трассеры. И не только 7,62x39 мм от АКМ — так же пулеметные 7,62x54R для ПКТ, и, даже, 14,5 мм для КПВТ! Словом, ночные учебно-боевые стрельбы были зрелищем совершенно потрясающей красоты, но степенью высочайшей крутизны считалось написать трассерами из БМПшного пулемета Калашникова на ночном небосклоне, усыпанном звездами, три буквы — «ДМБ».

Надо же было такому случиться, что по дурости, наглости, или незнанию, Булат решил продемонстрировать свой подчerk во время очередной комиссии из Москвы... с этого момента, и до конца службы Татарина, дежурство по кухне второй роты автоматически означало, что в наряд идет Закиров и еще несколько особо отличившихся. Причем, если особо отличившиеся раз от разу менялись, то величина «Закиров» оставалась константой.

Кстати, начиная с этого времени, снайпер стал

резко худеть, и я понимаю почему! Сам один раз, мельком, видел, как и из чего готовится пища на армейской кухне — процесс, не объясняемый ни одним из известных законов химии и физики, в результате которого нечто совершенно несъедобное, содержащее одни и те же ингредиенты, превращается в первое, второе, третье или компот — и то неделю есть не мог, чего уж говорить о Татарине? И это, хочу заметить, за границей, в ГДР! Как и чем кормили солдат в самом Союзе я и представить боялся. Постепенно, раз от разу, солдаты стали замечать, что пища наряда Булата отличается не только тем, что ее можно было без опасения за сохранность алюминия брать ложкой — она отличалась вкусом! Вкус первого блюда отличался от второго, и совершенно не был похож на вкус компота! Закиров научился готовить, и из чего — из того, что было на армейской кухне! Событие совершенно из ряда вон выходящее...

Конечно, доверять я ему, доверял — иначе и быть не могло. И как специалисту, и как человеку. Но, как у человека, у Татарина был один ощутимый минус, бывший, однако, большим плюсом для специалиста.

— Евгений, — повернулся ко мне Лешка, прикрыв трубку рукой. — Он говорит, что меньше, чем за миллион, он не согласен.

Вот! Это и есть тот самый минус. А, может, и

плюс — как посмотреть.

— Дай сюда, — я забрал у Калача телефон. — Татарин, это Железняк говорит...

— Да и тебе, командир, то же самое скажу, — ответил снайпер. — Меньше, чем за миллион — ни-ни.

— Ладушки, — усмехнулся я. — Миллион.

— Не рублей, — поспешно поправился Закиров.

— Естественно, не рублей, — согласился я.

В трубке повисло натянутое молчание.

— Э-э... когда приехать, командир?

— Завтра утром.

— Есть, товарищ майор! Разрешите приступить?

Вот нас и трое... теперь самое время связаться с Сохновским, дабы выяснить, получилось у него навешать лапши на уши похитителям, или нет. Впрочем, в успехе этой микро операции я почти не сомневался. Ну не был бы банкир тем, кто он есть, если бы не умел как следует компостировать голову своим партнерам и клиентам! Но самый ценный жизненный груз — опыт, учил, что доверять, кончено, можно чему угодно, даже своей интуиции. Но проверить, все же, было бы недурно.

Антон перезвонил сам, когда мы подъезжали ко двору, где я родился и провел детство, дабы встретиться с четвертым членом команды —

Геркой Маркиным. Бывший спортсмен, автогонщик, как нельзя лучше подходил на роль водителя командирских двух с половиной десятков тонн металла. Помню, лет десять назад, после того, как он домчал меня на старом «двадцать один сорок» до Москвы, уложившись в три часа, а потом — дал круг по МКАД за сорок минут, я вообще зарекся садиться с ним в одну машину. И оказался прав — на одном из этапов кубка «Дружбы народов» Гера не справился с управлением и вылетел в повороте, покосив с десятков человек. Так закончилась его спортивная карьера, но началась другая — карьера водителя-дальнобойщика, возможно, менее славная, и на кусок хлеба перепадало меньше... приходилось мазать масло сразу на колбасу.

— Знаешь, — задумчиво произнес банкир. — Это оказалось даже легче, чем я думал...

— Gott mit uns, — улыбнулся я. — Чтобы и все остальное прошло так же.

— Больше похоже на тост, — заметил Сохновский. — В общем, как я и обещал, у тебя есть две недели. Будет что нужно — деньги, или еще что — сразу звони.

— Да, кстати, — вспомнил я. — На счет тоста. Нужна бутылка коньяку.

— Не рановато праздновать?

— Какой праздновать? Мне за оружие и

самолет расплатиться надо! — отрапортовал я.

— Чтоб мне все так легко давалось, — вздохнул в трубку одноклассник.

К вечеру, как и обещал, отзвонился Мороз. Разговор начался с весьма неутешительных новостей — из списка в двадцать человек в живых остались лишь пятнадцать, из которых двое находились в психушке, еще трое — в инвалидном кресле. Из оставшихся — троих даже ему, генералу, выдернуть никак не удастся. Оставалось только догадываться, где и какие задания Родины выполняют ребята... Однако, для собственного спокойствия я не стал этого делать. Еще двое могли подъехать минимум через месяц, этих тоже пришлось вычеркнуть. Оставалось пятеро. В принципе, такой расклад меня вполне устраивал — получалось ровно девять человек, как назгулов у Толкиена. Безо всяких там половинок, четвертей и десятых долей. Четверо подъедут через три-пять дней, а еще один... последний кандидат, как оказалось в настоящее время служил в управлении генерала!

— Да? — удивился я. — И кто же это?

— Капитан Замышляев, — ответил Мороз.

Ну да, следовало догадаться. Игорь Замышляев — человек с небывалым везением. Он и в мой список попал лишь благодаря этому качеству. Не потому что ему повезло попасть, а потому что я

считал весьма недурным иметь в команде такой талисманчик.

Игорю, редкостному раздолбаю, везло во всем и всегда. Это был как раз тот уровень удачи, везения, который не поддается никакой логике и никакому здравому объяснению. Словно какие-то высшие силы подталкивают его, направляя по жизни. Почаще бы включал голову — глядишь, уже полковником был бы.

Самый выдающийся пример его везения — один случай на Кубе, где мы охраняли наши ракеты. Тьфу, совсем забыл, что на Острове Свободы Советских боеголовок никогда не было... в общем, выполняли задание Родины и партии. Одним совершенно обычным вечером лейтенант Замышляев приволок в часть древнюю старушенцию. На первый взгляд бабушка — божий одуванчик. Как рассказывал Игорь, копалась в мусорных баках, куда свозились отходы с нашей части. Подозрений, по большому счету, никаких и не возникло — просто решил немного прикольнуться. Внести, так сказать, разнообразие в тяготы и лишения военной службы.

Но самое удивительное началось, когда бабушка попросилась в туалет. Только здесь оказалось, что старушка — и не старушка вовсе. Даже не женщина, пусть и преклонного возраста, а переодетый, искусно загримированный,

американский шпион. Замышляеву, с разгону, чуть было Героя не дали, но вовремя спохватились, и решили что двухнедельного отпуска в Союз молодому офицеру более чем достаточно. Неслабо парень прикололся...

Что тут началось в части! Бедных кубинцев в особый отдел каждый день приводили десятками. Первым делом, конечно, под подозрение попадали те, кому под шестьдесят. Потом, естественно, все остальные. Терпению особистов настал конец, когда один прапор, который меньше чем трех «шпионов» ежедневно не притаскивал, сдал на руки чекистов двенадцатилетнюю девчонку, утверждая, что уж кто-кто, а она — точно цэрэушница. Прапорщик схлопотал пять суток ареста, а остальные военнослужащие получили четкое внушение, что если еще хоть раз... так охота на агентов иностранных разведок закончилась, и Куба зажила спокойной, мирной жизнью.

Личный состав, как и обещал Мороз, был полностью собран через пять дней, к нашей миссии добавились: Павел Елисеев, Тарас Мищенко, Юрий Маковецкий и Наиль Сафин. Всего — девять человек. Ну, точно — слуги Кольца. Все — отличные, проверенные мужики, с каждым из которых, в свое время, я прошел и огонь и воду. Как я успел заметить, множество коллективов, сплоченных команд распадаются именно тогда,

когда приходит пора последнего испытания — медных труб. Не могут поделить лавры ни по совести, ни по-честному, ни поровну. Нам до этого было еще далеко — мы ведь даже не начали!

Если я чего и боялся вначале — так это внутренних трений в коллективе, и на первые два-три дня без этого не обошлось: Булат с Наилем волком смотрели друг на друга, выясняя, кто и них на коне едет, а кто рядом бежит. Но вскоре Татарин с башкиром дружно уминали сало, или же «визжалово», как они его называли, конфискованное у Мищенко.

— А что такого? — удивлялся Булат. — Я вижу, он ест, значит он меня не сдаст. А он видит, что и я ем, значит и я его не сдам.

Отношение Наиля к религии мне стало понятно еще в Ливии, где он застукал нашего связного, стоит заметить, мусульманина, за курением. Как же так? Это же грех? Но Акбаш смог выкрутиться.

— Это же маленький грех! Пять раз помолюсь, и Аллах простит!

Не знал ливиец, с кем он связался. Башкир, сразу, не отходя от касса, и предложил Акбашу:

— А давай тогда ты неделю курить не будешь, а потом мы с тобой забухаем! Это же все компенсирует?

Я ожидал, что араб сразу откажется, или

согласится — в зависимости от того, что на этот счет говорит ислам. Но он задумался! На полном серьезе задумался, уйдя в себя минут на десять! Наверно, перелистывал в голове Коран, в поисках подходящей главы. В итоге, все же, отказался, сочтя «забухать» слишком большим грехом.

Последние десять дней вообще были сущим адом. Почти одновременно с оставшимися бойцами подошло и оружие, обещанное генералом, и, хотя в выборе стволов я особо не заморачивался — АК-103 калибра 7,62 мм с подствольниками и ПБС, Стечкины АПБ — все было не ново, но, как оказалось, некоторые, в том числе и я, успели позабыть, с какой стороны автомат берется. Пришлось расстреливать тысячи патронов, чтобы вспомнить, как это вообще делается. Были и совершенно новые образцы, которые многие из нас и в глаза-то ни разу не видели, не говоря о каком-то опыте — та же винтовка В-94 или стрелково-гранатометные комплексы «Гроза». Но я и взял-то их исключительно по настоянию Мороза, как игрушки. Да и мало ли чего... своя ноша, как известно, карман не тянет. А броневики, купленные Антоном, с легкостью могли вывезти и не такой груз.

Кстати, ГШ-6-23 всем пришлась по вкусу. Один звук, с которым она выплевывала иглы, чего стоил! НСВТ, или, тот же КПВТ звучит так, словно

ребенок быстро колотит палкой по пустому ведру. Авиационная же пушка ревела, как гром, грохотала, как будто тот же ребенок насыпал в то же ведро камней, и пустил его под уклон. Деревья на берегу залива ГШ сносила не хуже бензопил, а то и гораздо лучше. Через пять тысяч пулеметаний в лесу образовывалась неплохая просека, по которой свободно проходили оба БТРа. Одно плохо — боекомплект в десять тысяч патронов, весящий, около пяти тонн, шестиствольная пушка выплевывала за считанные минуты.

Две недели — казалось бы, бесконечно маленький промежуток времени, чтобы подготовить такую операцию в практически кустарных условиях. Две недели, полмесяца, одна двадцать четвертая года... но одна полуторатысячная средней жизни! И вот здесь становится немного не по себе, когда начинаешь задумываться о том, что в жизни всего около полутора тысяч таких промежутков... нет, согласен, у кого-то больше, у кого-то меньше, но всего полторы тысячи, из которых половина уже прожита! Причем прожита-то лучшая половина, моложе мы не становимся.

Для меня эти две недели стали маленькой жизнью, в течение которой я почти не видел своих девочек. А каково приходится Даше в плену у боевиков? Если я просто очнулся, и обнаружил, что

вот он, последний день подготовки, то для нее-то, скорее всего, время тянулось гораздо медленнее. Но сам кошмар-то еще и не начался! Он начнется только завтра, и что, где, как... там уж Бог рассудит.

И самое поганое то, что Леся с Ксютой терялись в догадках, не зная и не понимая, что со мной происходит. Старт, точка отсчета, начало операции, или, уж совсем по-военному, час «Ч» назначен на завтра, на половину седьмого утра, а я до сих пор так ничего не сказал своим девочкам... молчать дальше было уже попросту невозможно. Домой последним вечером я поднимался в крайне подавленном настроении. В самом деле, не могу же я сказать, что пошел за хлебом, а вернуться через неделю? Если вообще вернуться... надо было срочно что-то придумать. Тот подходящий момент, на который я так надеялся, все не наступал и уже вряд ли наступит.

Настроение и так не красноармейское, а какой-то ублюдок в очередной раз выкрутил лампочку в подъезде, так что подниматься по лестнице пришлось на ощупь. Или, «по записи», как говорит Гера, вспоминая свое раллийное прошлое.

Достигнув предпоследнего пролета, я услышал на своей площадке чьи-то голоса. Один — девичий, в котором я узнал Ксюту. Второй —

мужской, совершенно мне не знакомый.

— Ну че ты ломаешься, — уговаривал мужской голос. — Как целка-неберучка.

— Володя, ты совсем дурак? — раздраженно ответила дочка. — Сказала же — у меня маменька дома. И отец скоро вернется.

— Да я на комфорте и не настаиваю... давай хоть в подъезде?

— В подъезде? — фыркнула девчонка. — Ты дурак — нет? Еще что придумаешь! И, вообще, я сегодня не могу!

— Ах, не можешь! В клубешник на халяву можешь, а трахнуть — сразу не можешь? Тогда отсосешь! — заключил маленький mistkerl.

— Володя, ты...

— Сосать, сука!

Последние слова были подкреплены пощечиной. Ох, не ту девочку ты выбрал... Кольцо у меня выдернуло окончательно. Слово призрак, за одно мгновение я пролетел лестничный марш, и, ориентируясь по звуку борьбы, схватив дерущихся за загривки, растащил из в стороны, держа на весу на вытянутых руках. Тело полегче в левой руке, пахнущее духами, несомненно принадлежало моей дочери. А гораздо более тяжелая, трепыхающаяся туша в правой — неудавшемуся насильнику.

— Папка! — обрадовано вскрикнула Оксанка.

— Че за... — попробовал возмутиться парень.

Пришлось его заткнуть, воздействовав на речевой центр подъездной стеной, который, как известно, у правшей находится в правом полушарии. Хотя, могу и ошибаться. Нет, вряд ли — ублюдок же заткнулся!

Резко распахнулась дверь в нашу квартиру, и в дверном проеме, освещенная из-за спины так, что остался виден лишь стройный силуэт, такой же прекрасный, как и много лет назад, показалась Олеся в коротенькой ночнушке, едва доходящей до середины бедра. Ее растрепанные волосы, подсвеченные электрическим светом, создавали вокруг головки совершенно мистический сияющий ореол.

— Что здесь происходит? — грозно осведомилась жена.

— Да так, — буркнул я, ставя Ксюту на ноги. — Тут кое-кто отсосать хочет.

— Что!? — не поняла Леся.

— Мама, мама, уже все в порядке, — принялась успокаивать ее дочка.

Теперь я смог рассмотреть насильника. Узкое прыщавое лицо, острый нос, густая черная шевелюра. Единственной примечательной особенностью были ярко-синие глаза. На них, наверно, и повелась моя дочурка.

— Так, говоришь, пососать хочешь? — мрачно усмехнулся я, доставая левой рукой из

наплечной кобуры Макарова.

Не самое легкое, должен заметить, занятие, извлечь левой рукой шпалер из кобуры, висящей подмышкой слева же. Но я справился с этим блестяще, большим пальцем опустив флажок предохранителя и им же взведя курок. Володя, словно замороженный, смотрел на вороненую сталь волыны, стертую до блеска на сгибах штамповки затворной рамы.

— Рот открой, — тихо приказал я.

Парень лишь испуганно замотал головой.

— Ты че, schwanzlutscher, не понял что ли? Я сказал — рот открой.

— Папа, может, не... — сжалилась дочурка.

— Так, отставить! — рыкнул я. — Не хочешь — не надо.

Коротко, без замаха, разбивая плотно сжатые губы и вышибая тесно стиснутые передние зубы, я воткнул ствол скрипки в рот ублюдка. Тот сдавленно запищал, а из глаз брызнули слезы.

— А то ты думал! — оскалившись, произнес я. — Хочешь кататься — хотя и саночки возить. Соси давай.

— Женя, в самом деле, хватит уже, — скривившись от отвращения, вымолвила Леся.

— Ладушки, — согласился я, вытаскивая петарду из пасти ублюдка. — Вали отсюда, schwuchtel.

Володя, выплюнув на бетонный пол зубы, вперемешку с кровью, отчаянно скуля, шатаясь, словно пьяный, спотыкаясь, побрел вниз по лестнице. Вытащив обойму, передернув, прикрыв ладонью окно экстрактора, затвор, я протянул пистолет Ксюте.

— Доча, почисти, пожалуйста, — попросил я.

Брезгливо взяв Макарова двумя пальцами за ремешок, стараясь не прикасаться к стволу, с которого капала слюна, приправленная кровью, девчонка пошла в ванную. Чистить оружие, как и стрелять и него, я научил ребенка еще до того, как она на двухколесном велосипеде ездить научилась.

— Женя, что с тобой случилось? — поинтересовалась жена. — Ты последние две недели сам не свой... я тебя вообще не узнаю! А это... поставил бы парню фингал под глазом — и хватит! Зачем так-то?

Нервы. Нервы, и в самом деле, стали ни к черту.

— Малыш, я утром уезжаю, — признался я.

— Как? Далеко? На сколько? — засыпала меня вопросами Олеся.

— Могу соврать, или ничего не сказать, — ответил я.

— Тогда лучше молчи, — вздохнула супруга, обняв меня и положив голову на плечо.

Глава 3

Тяжелая транспортная машина АН-124, по размерам лишь немного уступающая авианосцу, коснулась земли Северного Кавказа. Два бронехода, спрятанные в брюхе транспорта, слегка покачнулись на гидропневматике подвески. Теперь пути обратно точно нет — только вперед! Самолет, поднимая пыль взлетно-посадочной полосы турбинами, покотился по бетонке, гася скорость. Служащие базы, не занятые приемкой грузовика, равнодушно скользнув взглядом по фюзеляжу транспорта, продолжали заниматься своими повседневными обязанностями. Да, для них прибытие такой машины дело совершенно привычное. Ведь эта военная база — едва ли не единственный аэродром на сотни километров вокруг, способный принимать самолеты такого класса.

АН, почти остановившись, завернул в отстойник и замер, докатившись до УАЗика со снятым брезентом. В чреве самолета что-то гулко ухнуло, огромный задний люк поднялся вверх, а трап — наоборот спустился вниз. Первым, по праву командира, по сходням спустился я, за мной — остальные члены команды, исключая пилотов бронетранспортеров.

Мужчина среднего роста, поджарый, с

проступающей сединой на висках, в зеленом пятнистом камуфляже, с майорскими звездами на погонах, отчеканив последние несколько метров строевым шагом, встал подле нас по стойке смирно и взял по козырек. Не знаю, что ему сказал Мороз, но он явно ожидал увидеть не ребят в серой форме без знаков различий, обвешанных оружием как новогодняя елка игрушками.

— Здравья желаю, товарищ полковник! — прокричал он, изучая наши лица, и, очевидно, пытаясь понять, кто старший группы.

Полковник? Ну это генерал загнул... несколько лет назад было бы приятно, но сейчас, когда я понял, что не количество звезд является показателем счастья, мне было глубоко параллельно. Вообще же интересно, что такого ему наплел Паша?

— Евгений, — представился я, протягивая ладонь.

— Майор Сорокин, — ответил тот, неуверенно отвечая на рукопожатие. — Генерал-майор Мороз предупредил, что прибудет спецгруппа, но я и подумать не мог...

— Фюрер думает за нас, — улыбнулся я. — О целях миссии он говорил?

— Так точно, — кивнул майор. — Разведданные...

— Так, отставить, — прервал я военного. —

Калач, займись разгрузкой, а мы пройдемся...

Алексей согласно кивнул, и скрылся в брюхе самолета. Мы с Сорокиным подошли к УАЗику, майор отщелкнул клапан планшетки и вопросительно посмотрел на меня. Я молчал.

— Разрешите доложить, товарищ... — начал он.

— Отставить, — повторил я.

Признаться, в начале, первые день-два подготовки, на меня нашла волна ностальгии. Такой душащей памяти о тех временах, когда я, будучи еще молодым лейтенантом, мечтал уйти в отставку не меньше, чем генерал-полковником... я верил в чудеса, и весь мир был у моих ног. И жизнь показала, что чудеса случаются, хотя и не так часто, как хотелось бы. И далеко не всегда эти чудеса творит добрая крестная фея из «Золушки».

Но теперь слова майора резали слух, а его нервное, напряженное поведение передавалось и мне, и я сам начал нервничать. Случай из ряда вон выходящий, если вспомнить, что последние несколько лет я был спокоен, как слон, и вывести меня из колеи — это нужно очень постараться, и не факт, что старания увенчаются успехом. Миссия почти невыполнима!

— Майор, тебя как звать? — спросил я.

— Майор Сорокин! — отрапортовал военный.

— Так, ладушки. Имя у тебя есть? — уже

начиная выходить из себя, но стараясь сохранять спокойствие, произнес я.

— Николай.

— Вот что я тебе скажу, Николай... то, что говорят про полковников — ко мне пока что не относится. В смысле, папаху я зимой ношу не потому что она на мозги похожа, а потому что теплая. И не хуже тебя понимаю, что генерал — это не звание, а диагноз. Так что можешь расстегнуть верхнюю пуговицу и начать разговаривать нормальным, человеческим языком.

В глазах Сорокина промелькнуло недоумение, граничащее с ужасом. Даже я испугался — а вдруг он не умеет разговаривать, или, теп паче — думать по-человечески? Признаться, мне попадались подобные экземпляры.

К счастью, майор, все же, расстегнул верхнюю пуговицу, закатал рукава, снял фуражку и забросил ее в УАЗик, и начал уже другой разговор, совершенно нормальным языком. И тут я все понял! Вернее, вспомнил свою реакцию в армейские годы на подобные визиты. Полковник спецгруппы, которой сам генерал Мороз приказал оказывать содействие! Пес меня знает, какие тараканы у меня в голове? Береженого, как говорится, Бог бережет, и лучше действовать по уставу — универсальной книги всех времен и народов, а касательно нашей ситуации — тем более.